

УДК 821.161.1

Август в мифопоэтической концепции времени И.А. Бродского

Леонтьева Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент,
ORCID: 0000-0003-3836-9914

НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»
(Петропавловск, Республика Казахстан)

Кончался август.
Примолкнул лес.
Стозвёздный Аргус
Глядел с небес.

Давид Самойлов

Художественное время И.А. Бродского остаётся актуальной проблемой филологии. В эссе «Взгляд с карусели» (1990) он утверждает, что «хронология – дитя эсхатологии», а стремление людей «одомашнить этот феномен» порождает специфику летоисчисления – «все эти наши километры в час, календари, месяцы, годы, декады, столетия и тысячелетия» [1, т. VII, с. 129]. Панхронизм И.А. Бродского сопрягает конкретные календарные мифологемы с эсхатологической концепцией времени, годовым кругом, где «каждый месяц в отдельности» получает «определённое мифологическое значение» [2, т. II, с. 143]. Столь пристальное внимание к хронологии актуализирует традицию Серебряного века, «Шума времени» (1925) О.Э. Мандельштама: «Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени» [3, т. II, с. 250]. Предмет нашего исследования – мифологема августа как месяца, знаменующего летне-осеннее межсезонье, переход от лета к осени, от расцвета и жары к плодоношению и увяданию. Оппозиция лето/осень имеет давние корни в мифологической модели мира и сопрягается с оценочными характеристиками благоприятного и неблагоприятного для человека – «счастье (доля) – несчастье (недоля), жизнь – смерть» [2, т. I, с. 153]. Август как знак межсезонья становится запечатлённой хронологической точкой перехода, как в эссе «Коллекционный экземпляр» (1991): «Лето 1991 года. Август. Это, по крайней мере, наверняка» [1, т. VI, с. 121].

Августовский хронотоп репрезентируется в лирике И.А. Бродского на протяжении всего творческого пути, начиная с лирики 1960-х годов. Цикл «Июльское интермеццо» (1961) из 10 произведений включает 9-ю часть – стихотворение «Августовские любовники»: «Августовские любовники,/ августовские любовники проходят с цветами,/ невидимые зовы парадных их влекут,/ августовские любовники в красных рубашках с полукрытыми ртами / мелькают на перекрётках, исчезают в переулках,/ по площади бегут» [1, т. I, с. 76]. Уже в первой строфе образ августовских любовников появляется в сильной позиции абсолютного начала текста и трижды выступает в роли анафоры, фиксируя читательское внимание. И.А. Бродский актуализирует тему круговорота бытия, пограничный хронотоп межсезонья, сопрягая любовный мотив не с традиционной весной – порой расцвета, а с августом – последним месяцем лета, знаменующим переход от цветения и плодоношения к осени и увяданию. На уровне поэтики заглавия стихотворение выбивается за пределы июльского круга цикла как высшей точки лета. Август ещё сохраняет динамику лета, переданную с помощью контрастного многоцветного колорита, анафор, перечислений, повторов, глаголов движения: «Августовские любовники / в вечернем воздухе чертят красно-белые линии рубашек, своих цветов,/ распахнутые окна между чёрных парадных светят,/ и они всё идут, всё бегут на какой-то зов» [1, т. I, с. 76]. Однако третий месяц лета – это переход к осени, постепенному увяданию.

И.А. Бродский усиливает пограничный хронотоп введением суточной вечерней символики – вечер ещё не ночь, но переход к ночи, тьме и смерти: «Вот и вечер жизни, вот и вечер идёт сквозь город,/ вот он красит деревья, зажигает лампу, лакирует авто,/ в узеньких переулках торопливо звонят соборы,/ возвращайся назад, выходи на балкон, накинь пальто» [1, т. I, с. 76]. Мифологизация вечера достигается разными способами: «Представление о частях дня переносится в мифологии на год и на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны» [2, т. I, с. 614]. Поэт подчёркивает универсальный характер вечера метафорой «вечер жизни», что семантически сближает суточную и месячную темпоральные единицы. Стёртая метафора «вечер идёт» расширяется топосной характеристикой «сквозь город», благодаря чему «происходит персонификация временного отрезка и превращение его в самостоятельного героя произведения» [4, с. 443].

Пограничный характер августа и вечера как календарных мифологем поддерживается и сменой поэтических дискурсов. Внешняя речь, описание августовских любовников сменяется внутренней речью, обращённым монологом лирического героя к совокупному адресату: «Видишь, августовские любовники пробегают внизу с цветами,/ голубые струи реклам бесконечно стекают с крыш,/ вот ты смотришь вниз, никогда не меняйся местами,/ никогда ни с кем, это ты себе говоришь» [1, т. I, с. 76-77]. Пограничный хронотоп реализуется на уровне пространства и времени – город, площади, улицы, переулки, дома, квартиры, парадные, распахнутые освещённые окна выступают локусными границами, распахнутыми в макромир. Взгляд поэта охватывает землю и небо, верх и низ, балкон выступает срединным миром. Художественное время сопрягает месяц и вечер с круговоротом бытия, единством концов и начал: «Вот цветы и цветы, и квартиры с новой любовью,/ с юной плотью входящей, всходящей на новый круг,/ отдавая себя с новым криком и с новой кровью,/ отдавая себя, выпуская цветы из рук» [1, т. I, с. 77]. Август как завершение лета и вечер как завершение дня мотивируют эсхатологию стихотворения, мотив одиночества и неизбежных утрат как константу бытия. Вечер как «активный субъект» лирики И.А. Бродского и «акустическая метафора “вечер шумит” создаёт на страницах произведений поэта образ времени», передающего «героям своеобразные прогнозы на будущее» [4, с. 444]. Пророчество темпоральной единицы подчёркивает универсальность отчаяния и потерь: «Новый вечер шумит, что никто не вернётся, над новой жизнью,/ что никто не пройдёт под балконом твоим к тебе,/ и не станет к тебе, и не станет, не станет ближе,/ чем к самим себе, чем к своим цветам, чем к самим себе» [1, т. I, с. 77].

Поэтике «Августовских любовников» корреспондируют произведения начала и середины 1960-х годов: поэма «Шествие» (1961), послание «Настеньке Томашевской в Крым» (1964), «Письмо в бутылке» (1964), «Однажды во дворе на Моховой...» (1960-е годы), «Он знал, что эта боль в плече...» (1964-1965).

В поэме-мистерии «Шествие», примыкающей к «Августовским любовникам», последний месяц лета упомянут

дважды, в разделах «23. Комментарий» и «32. Романс Счастливица». И.А. Бродский создаёт оппозицию октября и августа, не совпадающих по календарной симметрии, - 2-го месяца осени и 3-го - лета: «Читатель мой, мы в октябре живём, / в твоём воображении живом / теперь легко представится тоска / несчастного российского князька». Авторская оппозиция усиливается введением зимы, предполагаемой поры знакомства читателя с поэмой: «Боже мой, / что, если ты её прочтёшь зимой, / или в августе воротишься домой / из южных путешествий, загорев, / и только во вступленье надоев, / довольством и вниманием убит, / я буду брошен в угол и забыт, / чтоб поразмыслить над своей судьбой, / читатель мой...» [1, т. I, с. 106-107]. Образ провиденциального читателя актуализирует возвращение, по мнению Л.В. Лосева, к литературной классической традиции: «Свободное развитие высокой культуры в России было полностью прекращено в середине двадцатых годов, и первое послесталинское поколение воспринимало предшествующие тридцать лет как зияющий провал в отечественной истории, отчего естественно стремилось восстановить связь времён. Молодой Бродский делал это, скорее всего, интуитивно» [5, с. 17]. Я.А. Гордин уточняет: «Молодой Бродский, воспринимаемый тогда читателями и слушателями как “новый поэт”, вызывающее демонстрировал свою связь с Пушкиным. В 1961 году в “Шествии”, в совершенно неподходящем, казалось бы, контексте, он даёт подчеркнuto “пушкинский” текст» [6, с. 234]. В.В. Юхт полемизирует с Я.А. Гординым: «Поразительная способность сопрягать настоящее с давнопрошедшим, творить вечное из сиюминутного была одной из важнейших черт поэзии Бродского еще в ее “до-гутенбергов” период. Тронутые архаикой строки могли бы сложиться в целый островок пушкинской гармонии... <...> Но гармония, взятая напрокат в прошлом веке, Бродскому ни к чему» [6, с. 295]. И.А. Бродский снижает высокую традицию диалога поэта с читателем: «А, впрочем, чорт¹ с тобой! / Прекрасным людям счастья не дано. / Счастливого рассветное вино, / давно кружить в их душах перестав, / мгновенно высыхает на устах, / и снова погружаешься во мрак / прекраснодушный идиот, дурак, / и дверь любви запорами гремит, / и в горле горечь тягостно шумит». Как и в «Августовских любовниках», время сопрягается со смертью: «Так пей вино тоски и нелюбви, / и смерть к себе испуганно зови, / чужие души робко беребя» [1, т. I, с. 107]. Пушкинская гармония разбивается о «тяжесть и горечь», которые у неоклассициста «пропитывают каждую строку» [6, с. 296]. И в «Шествии», и в «Августовских любовниках» 8-й месяц календарного года сопрягается с круговоротом бытия, единством начала и конца («32. Романс Счастливица»): «Я с каждым днем всё чаще замечаю, / что всё, что я обратно возвращаю, - / то в августе, то летом, то весной, - / какой-то странной блещет новизною. // Но по зиме и по земле холодной / пустым, самоуверенным, свободным / куда как легче, как невозмутимей / искать следы любви невозвратимой» [1, т. I, с. 118]. Мифопоэтическая значимость августа подтверждается тем, что в перечислении сезонов упоминаются времена года (лето, весна, зима), но только последний месяц лета заявлен в своём наименовании. Мы полагаем, что тем самым подчёркивается пограничный характер поэтического хронотопа в циклической модели времени.

Стихотворение «Однажды во дворе на Моховой...» относится к корпусу «Недатированные стихи 60-х годов» [5, с. 348]. Лирический герой сам становится августовским любовником с цветами и домом в топосе города: «Однажды во дворе на Моховой / стоял я, сжав растерзанный букетик,

сужались этажи над головой, / и дом, как увеличенный штакетник, / меня брал в окруженье...» [7, с. 457]. Сходство пространственно-временного континуума стихотворений усиливает образ вечера, локусы распахнутых окон и парадного, карниза как знака срединного мира. Но координаты верха и низа меняются – двор-колодец препятствует объединению земли и неба: «И вечер, не заглядывавший вниз, / просвечивал прозрачные волокна / и ржавый возвеличивал карниз, / смеркалось, и распахивались окна. / Был вечер, и парадное уже / как клумба потемневшая разбухло» [7, с. 457-458]. Тема смерти вводится через мотив насилия: «Тут и узрел я: в третьем этаже / маячила пластмассовая кукла. / Она была, увы, расчленена, / безжизненна...» [7, с. 458]. Образ куклы, подобно огням рекламы и автомобилям в «Августовских любовниках», подчёркивает контраст естественного (цветы, вечер) с искусственным, природы, обозначенной растерзанным букетиком, с городской цивилизацией. Эти контрасты имманентны пограничному хронотопу августа, который предстаёт амбивалентно – аллюзия знаменитого полотна К.Ф. Юона «Купола и ласточки» (1921) сопрягается с ироничным описанием городского быта: «Был август, месяц ласточек и крыш, / вселяющий виденья в коридоры, / из форточек выглядывал камыш, / за стеклами краснели помидоры» [7, с. 457]. Тот же контраст высокого искусства живописи с бытом присутствует в послании «Настеньке Томашевской в Крым» (1964): «Пусть август - месяц ласточек и крыш, / подверженный привычке стародавней, / разбрасывает в Пулкове камыш / и грохает распахнутую ставней [1, т. II, с. 51]. Связь двух текстов подтверждается автоцитированием («...август – месяц ласточек и крыш»), образами камыша и распахнутых окон как границы между микро- и макромирами. Эсхатология времени в послании задаётся мотивом исчезновения и забвения лирического героя: «Придёт пора, и все мои следы / исчезнут, как развалины Атланты». Несбыточность любви и одиночество акцентируются принятием беспамятуства адресата: «Поэтому для сердца твоего, / собравшего разрозненные звенья, / по-моему, на свете ничего / не будет извинительней забвенья». В финале послания аллюзия августа приобретает семантику границы памяти и забвения – исход лета предполагается датой ежегодных воспоминаний о лирическом герое: «Но раз в году ты вспомнишь обо мне, / берёзой, а не вереском согрета, / на Севере родном, когда в окне / бушует ветер на исходе лета» [1, т. II, с. 51]. Память в эстетике акмеизма обеспечивает существование, поэтому мы можем говорить об августовской границе бытия с небытием в контексте оппозиций памяти//забвения и жизни//смерти в свете традиций О.Э. Мандельштама («Скрябин и христианство», 1916-1917): «Вспомнить во что бы то ни стало! Победить забвение – хотя бы это стоило смерти...» [3, т. II, с. 40].

Августовский хронотоп «Письма в бутылке (Entertainment for Mary)» (1964) репрезентируется с помощью мифопоэтики сна, а сон традиционно связан с небытием: «Природа сама и её щедрот / сыщики: Ньютон, Бойль-Мариотт, / Кеплер, поднявший свой лик к Луне, - / вы, полагаю, приснились мне. / Мендель в банке и Дарвин с костями / макак, отношенья мои с людьми, / их возраженья, зима, весна, / август и май - персонажи сна. / Снился мне холод и снился жар; / снился квадрат мне и снился шар, / щербет синицы и шелест трав» [1, т. II, с. 71]. И.А. Бродский воссоздаёт оппозицию августа и мая, месяцев, завершающих времена года. Но май символизирует переход к лету и цветению, август – к осени и умиранию. Лирический герой готов к смерти: «Лишь смерть оставляет, мадам, в долгу». При этом он надеется на память адресата: «Меня вспоминайте при виде

¹ Сохранена авторская орфография И.А. Бродского согласно изданию 2001 года.

волн!» [1, т. II, с. 75]. Концепция единства конкретного и провиденциального лирического адресата, символ письма в бутылке восходят к статье О.Э. Мандельштама «О собеседнике» (1913): «Мореплаватель в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы... Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдёт её. Нашёл я. Значит, я и есть таинственный адресат» [3, т. II, с. 7]. Адресат И.А. Бродского амбивалентен - конкретная Магу и провиденциальный собеседник. «Реминисценции из “Моби Дика”» Г. Мелвилла демонстрируют «мысли о “величии замысла”» - главное в поэзии, по И.А. Бродскому [5, с. 296, 70]. Величие замысла и исполнения «Письма в бутылке» раскрывает И.М. Ефимов: «...великий поэт, посмеявший стать лицом к лицу с ужасом и хладом Небытия и сохранивший при этом сердечный жар, не зовёт нас в Небытие, но даёт пример отваги. Да, герой стихотворения “Письмо в бутылке” гибнет в одиночестве, к нему “никто не придёт провожать”. Но его прощание с миром превращается в настоящий гимн миру и любви, пронизанный надеждой на то, “что сохранит милосердный Бог / то, чего я лицезреть не мог...”» [6, с. 404-405].

Завершает первый этап воссоздания августа трагическое стихотворение «Он знал, что эта боль в плече / уймётся к вечеру...» (1964-1965). Его основа - процесс умирания и переживания всеохватной боли: «Но боль усиливалась. Грудь / колело. Он вообразил, / что боль способна обмануть, / чти, кажется, не хватит сил // её перенести». Она выступает границей бытия и небытия: «...боль / всегда учила жить, и он, // считавший: ежели сполна / что вытерпел - снесёт и впредь, / не мог представить, что она / его заставит умереть». Боль оказывается вне времени и пространства, «что даже и на свете том / - он чувствовал – терзать могла». Время стихотворения – зима: «...закатный луч / касался снежного бугра» [1, т. II, с. 98]. Август же возникает в памяти героя как знак жизни: «Он августовский вспомнил день, / как смётывал высокостой стог / в одной из ближних деревень, / и попытался, но не смог // названье выговорить вслух: / то был бы просто крик» [1, т. II, с. 98-99]. Август воспоминаний не может победить смерти – «свет потух», «поднятая вверх копна // рассыплется сейчас, хотя / он умер». Боль остаётся в обоих мирах, для неё границ не существует: «...Только боль, себе / пристанища не находя, / металась по пустой избе» [1, т. II, с. 99].

Второй этап репрезентации пограничного хронотопа августа мы находим в лирике конца 1960-х годов. Это два стихотворения – ироничное «А здесь жила Петрова...» (1966-1969) и элегичное «Я начинаю год...» (1969?). В первом мотив смерти отсутствует, но иронично репрезентируется воспоминание об анекдотичном любовном приключении: «Лишь помню, как в полуночную пору, / когда ворвался муж, я - сумасброд - / подобно удирающему вору, / с балкона на асфальт по светофору / сползал по-рачьи, задом-наперёд». Лирический герой подчёркивает малозначимость интимного эпизода, отказывая объекту воспоминаний в имени: «А здесь жила Петрова. Не могу / припомнить даже имени...» [1, т. II, с. 332]. Анонимность в эстетике акмеизма выключает явление из круга бытия - лишь названное получает право на существование, как в стихотворении О.Э. Мандельштама (1923): «Не забывай меня – казни меня, / Но дай мне имя, дай мне имя: / Мне будет легче с ним, пойми меня, / В беременной глубокой сини!» [3, т. I, с. 137]. Случайная возлюбленная теперь служит в милиции, а август упоминается единично – как строка в описи: «На дереве беснуются вороны. / И опись над кареткою кричит: / “Расстрелянные в августе патроны”. / Из сумки вылезают макароны. / И за стеной уборная журчит. / Трагедия? О если бы» [1, т. II, с. 332]. Трагедия превращается в фарс благодаря эстетически сниженным деталям быта.

Второе стихотворение - своеобразный переход к «Римским элегиям». Августовский хронотоп в сильной позиции финала контрастирует с зимой после Нового года: «Я начинаю год, и рвёт огонь / на пустыре иссохшей ёлки остов / - обглоданного окуня скелет! / И к небу рвётся новый Фазтон, / и солнце в небесах плывёт, как остров, / и я на север мчусь в расцвете лет» [7, с. 445]. Античная символика - важная составляющая текста. Как отмечает И.И. Ковалёва, «мифологическая парадигма постоянно используется в сравнениях», в данной строфе – костёр сжигаемой ели уподобляется Фазтону [6, с. 179]. В финале появляется август как антитеза зимы, как знак переходного периода. Последний месяц лета сопрягается с буколической традицией и включается в сельскохозяйственную календарную мифопоэтику: «Ах, Аполлон, тебе не чужд словарь / аргосский и кудрявый календарь, / так причеши мой пенный след трезубцем! / Когда гремит за окнами январь, / мне нужен буколический букварь, / чтоб август не смеялся над безумцем» [7, с. 445]. Аполлон, Фазтон, буколики, Аргос выполняют двойную мифопоэтическую функцию: это «привычные тропы условно-поэтического языка: Аполлон, Муза и лира – символы поэзии» и архетипические образцы, с которыми «сравнивается описываемая поэтом ситуация» [6, с. 170, 171]. В стихотворении 1969-го года к привычному символу поэзии «добавляется нечто чрезвычайно существенное – имя древнего поэта... как знак поэзии, литературной традиции, и обращение к самой этой литературной традиции» [6, с. 173]. В данном случае подразумевается Публий Вергилий Марон, автор «Буколик».

Аллюзия Вергилия знаменует переход к третьему этапу репрезентации августа в лирике И.А. Бродского – к «Римским элегиям» (1981) в 12 частях, которые знаменуют «новое жизне- (смерте?) ощущение автора», «появляются вещи, которые иначе, как жизнерадостными, не назовёшь» [5, с. 269]. II-я часть цикла посвящена воссозданию хронотопа августа. Он исполнен покоя – замирают маятники часов и цифры циферблата, пространство и человек удваиваются благодаря зеркальному отражению: «Месяц замерших маятников (в августе расторопна / только муха в гортани высохшего графина). / Цифры на циферблатах скрещиваются, подобно / прожекторам ПВО в поисках серафима. / Месяц спущенных штор и зачехлённых стульев, / потного двойника в зеркале над комодом, / пчёл, позабывших расположение ульев / и улетевших к морю покрыться мёдом» [1, т. III, с. 227]. Однако покой разрушается сравнением стрелок часов с лучами ПВО, нацеленными на серафима. Серафим и пчёлы – знаки единства христианства и античности в римском топосе, причём улья, пчёлы, мёд – традиционные символы поэзии и античной традиции в русской литературе. Вспомним книгу О.Э. Мандельштама «Tristia» (1920) с пчёлами Персефоны: «Возьми ж на радость скромный мой подарок - / Невзрачное сухое ожерелье / Из мёртвых пчёл, мёд превративших в солнце» [3, т. I, с. 115]. Август как символ календарного межсезонья выполняет созидательную функцию – руины скрепляются индивидуальным творческим усилием, а образ времени персонализируется в мифопоэтических традициях: «...только слюнным раствором / и скрепляешь осколки, покамест Время / варварским взглядом обводит форум» [1, т. III, с. 227]. Август снова упоминается в V-й части цикла уже в контексте Горация и памятника («Exegi monumentum»): «Тишина уснувшего переулка / обрастает бемолью, как чешуёю рыба, / и коричневая штукатурка / дышит, хлопая жаброй, прелым / воздухом августа, и в горячей / полости горла холодным перлом / перекачивается Гораций. / Я не воздвиг уходящей к тучам / каменной вещи для их остратки». Пограничному хронотопу конца лета соответствует тема новой жизни, снов, самопознания и возрождения в поэзии: «О своём - и о любом – грядущем / я узнал у буквы, у чёрной

краски./ Так задремывают в обнимку / с “лейкой”, чтоб, преломляя в линзе / сны, себя опознать по снимку,/ очнувшись в более длинной жизни» [1, т. III, с. 229]. XI-я часть «Римских элегий» раскрывает наименование месяца «в честь императора Октавиана Августа», в соответствии «с культом правителей»; так возникает «мифологизированная календарная система летоисчисления, сезонов и месяцев» [2, т. II, с. 145-146]. И.И. Ковалёва убедительно доказывает: «В начале XI элегии Бродский причисляет свою итальянскую подругу, иронически воспетую в “Пьяцца Маттеи”, к списку знаменитых возлюбленных римских поэтов - и тем самым себя - к списку “римских классиков”, даже, если угодно, императоров» [6, с. 200]. Неоакмеист, перечисляя великих поэтов и императоров, прибегает к приёму апелляции: «Лесбия, Юлия, Цинтия, Ливия, Микелина./ Бюст, причинное место, бёдра, колечки ворса./ Обожжённая небом, мягкая в пальцах глина -/ плоть, принявшая вечность как анонимность торса./ Вы - источник бессмертья: знавшие вас нагими / сами стали катуллом, статуями, трояном,/ августом и другими. Временные богини!» [1, т. III, с. 232]. Деонимизация императора Октавиана Августа переносится в сознании на название восьмого месяца года, актуализируя интертекстуальную связь со стихотворением О.Э. Мандельштама «С весёлым ржанием пасутся табуны...» (1915): «Я слышу Августа и на краю земли / Державным яблоком катящиеся годы. // Да будет в старости печаль моя светла:/ Я в Риме родился, и он ко мне вернулся,/ Мне осень добрая волчицею была,/ И - месяц Цезаря - мне август улыбнулся» [1, т. I, с. 85].

Четвёртый, заключительный этап освоения августовской мифопоэтики включает поздние стихотворения И.А. Бродского: «Дождь в августе» (1988) и «Август» (1996). В обоих текстах август не упоминается, присутствуя только в заголовке. Августовский дождь «сшивает» пространство, обеспечивая единство земли и неба. Отсюда – многочисленные швейные детали: «Среди бела дня начинает стремглав смеркаться, и / кучевое пальто норвит обернуться шубой / с неземного плеча. Под напором дождя акация / становится слишком шумной./ Не иголка, не нитка, но нечто бесспорно швейное,/ фирмы Зингер почти с примесью ржавой лейки,/ слышится в этом стрёкоте; и герань обнажает шейные / позвонки белешвейки». Шум дождя ассоциируется с семейной идиллией, сам дождь становится самостоятельным активным персонажем и обеспечивает единство мироздания: «Как семейно шуршанье дождя! как хорошо заштопаны / им прорехи в пейзаже изношенном, будь то выпас / или между-деревье, околица, лужа - чтоб они / зренью не дали выпасть / из пространства. Дождь! двигатель близорукости,/ летописец вне кельи, жадный до пищи постной,/ испещряющий суглинок, точно перо без рукописи,/ клинописью и оспой». Августовский дождь – эйдетическая граница, пробуждающая родовую память. Лирический герой дистанцирован от дождя локусом жилья, в котором прозревает детали утраченного семейного быта: «Повернуться спиной к окну и увидеть шинель с погонами / на коричневой вешалке, чернубурку на спинке кресла,/ бахрому жёлтой скатерти, что, совладав с законами / тяготенья, воскресла / и накрыла обеденный стол, за которым втроем за ужином / мы сидим поздно вечером, и ты говоришь сонливым,/ совершенно моим, но дальностью лет приглушённым / голосом: “Ну и ливень”» [1, т. IV, с. 42]. В стихотворении «Дождь в августе», как считает Л.В. Лосев, «воспоминания о жизни с родителями окрасились в ностальгические тона, стали выстраиваться в поэтический миф собственного детства» [5, с. 21].

Последнее стихотворение датируется январём 1996 года и передаётся издателю за неделю до смерти поэта. И.А. Бродский умирает в своём кабинете «в ночь с 27 на 28 ян-

варя» 1996 года [5, с. 420]. Символично название его предсмертного произведения – «Август». В последнем стихотворении месяц никак не называется, об августовском хронотопе читатель узнаёт из заглавия, однако многие составляющие мифопоэтической модели времени сохраняются. Системообразующей основой текста становится городская пейзаж. Последний месяц лета в большинстве произведений И.А. Бродского, кроме стихотворения «Он знал, что эта боль в плече...», репрезентируется в урбанистическом топосе Ленинграда, Крыма или Рима. Теперь же лирический пейзаж предстаёт как «привычный, давным-давно знакомый», «но, независимо от степени обжитости, автор неизменно сохраняет некую степень отчуждения от него» [5, с. 207]. Это отчуждение достигается предельной обобщённостью и множественностью населённых пунктов: «Маленькие города, где вам не скажут правду./ Да и зачем вам она, ведь всё равно - вчера./ Вязы шуршат за окном, поддакивая ландшафту,/ известному только поезду. Где-то гудит пчела» [1, т. IV, с. 204]. Если Л.В. Лосев относит маленькие города последнего стихотворения И.А. Бродского к американским, то В.В. Юхт подчёркивает, что в «Августе» «неопределённость достигает апогея: невозможно определить, откуда, куда и зачем приезжал герой, что он делал и кого видел в таинственном маленьком городке, “где вам не скажут правду”» [6, с. 288]. Действительно, местный колорит и национально-исторические особенности стираются – вязы растут в Азии, Европе и Северной Америке; реки текут по всей планете; плющ, упомянутый в 3-й строфе, распространён в Северном полушарии. В предшествующей поэзии ленинградский колорит узнаётся по лексеме «парадное», годониму Моховая; деревенский мир – по локусу избы, печи, августовскому сенокосу; советская действительность – по службе в милиции; античный и современный Рим – по введению имён богов, поэтов, императоров, перечислению достопримечательностей. В «Августе» столь узнаваемых колоритных деталей нет. Но присущий последнему месяцу лета пограничный хронотоп проявляется с первой строфы. Его знаком топосом уровнем выступает поезд, на темпоральном – «вчера», а образ пчелы отсылает к античной и русской поэтической традиции. Во второй строфе пограничная характеристика августа усиливается пространством перекрёстка и реки, которая в мифологии обозначает грань между «этим» и «тем» светом, символом зеркала, выполняющего функцию ложного пространства и двери в иной мир. Кроме того, метафора витязь-светофор восходит к русской эпической традиции и одному из постоянных у поэта конфликтов природы и цивилизации: «Сделав себе карьеру из перепутья, витязь / сам теперь светофор; плюс, впереди - река,/ и разница между зеркалом, в которое вы глядитесь,/ и теми, кто вас не помнит, тоже невелика». Маленькие города не обеспечивают идиллии провинциального уюта. Как отмечает Л.В. Лосев, «лирический герой словно бы дорожит отчуждённостью от любого социума, экзистенциальным неуютом. Это постоянная позиция субъекта лирики Бродского» [5, с. 207]. В третьей строфе запертые ставни, увитые сплетней, контрастируют с распахнутыми окнами более ранних августовских текстов. Экзистенциальный неуют и отчуждение оказываются двусторонним явлением – пейзаж тоже отстраняется от созерцателя, не допуская его в свой мир. Царит летняя жара, на фоне которой образ полудетого подростка актуализирует сниженную реминисценцию «Вновь я посетил...» и других произведений А.С. Пушкина, посвящённых смене поколений как общему закону бытия: «Запертые в жару, ставни увиты сплетнею/ или просто плющом, чтоб не попасть впросак./ Загорелый подросток, выбежавший в переднюю,/ у вас отбирает будущее, стоя в одних трусах». А.С. Пушкин философски принимает смену поколений, И.А. Бродский использует «мотив значительно

более трагический, чем он обычно интерпретируется» [5, с. 193], т.к. «племя младое» у старшего поколения насильственно «отбирает» будущее. В финале стихотворения присутствует корреспондирующий августу мифопоэтический хронотоп вечера. Абстрактная часть суток овеществляется, затвердевает, приобретая литые формы. Мифопоэтический образ времени окончательно приобретает чувственно-конкретные формы и застывает: «Поэтому долго смеркается. Вечер обычно отлит / в форму вокзальной площади, со статуей и т. п., / где взгляд, в котором читается “Будь ты проклят”, / прямо пропорционален отсутствующей толпе» [1, т. IV, с. 204]. Любая форма контакта невозможна - экзистенциальное одиночество становится абсолютным. Неоакмеист считает каждое произведение искусства автопортретом художника,

а иронию – признаком «глубочайшего отчаяния», что свойственно и его последнему стихотворению с говорящим названием «Август». [1, т. V, с. 215].

Итак, мифопоэтика межсезонья имманентна художественному миру И.А. Бродского, его эсхатологической концепции времени. В эссе 1977 года «В тени Данте» он утверждает, что «искусство “подражает” скорее смерти, чем жизни; то есть оно имитирует ту область, о которой жизнь не даёт никакого представления: сознавая собственную бренность, искусство пытается одомашнить самый длительный из существующих вариантов времени. В конце концов, искусство отличается от жизни своей способностью достичь той степени лиризма, которая недостижима ни в каких человеческих отношениях. Отсюда родство поэзии с идеей загробной жизни, возможно, ею же - поэзией - и порождённой» [1, т. V, с. 78].

Литература:

1. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 томах. - СПб.: Пушкинский фонд, 2001.– Т. 1. Стихотворения 1957-1963 гг.- 304 с. – Т. 2. Стихотворения 1964-1971 гг.- 440 с. - Т.3. Стихотворения 1972-1986 гг.– 312 с. – Т. 4. Стихотворения 1987-1996 гг.– 432 с. – Т. 5. Эссе.- 376 с. – Т. 6. Эссе. 2003. – 456 с. - Т. 7. Эссе и статьи. – 344 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах / Гл. ред. С.А. Токарев. - М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т.1. А-К. – 671 с. Т.2. К-Я. – 719 с.
3. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений и писем: В трёх томах. Том 1. Стихотворения. - М.: Прогресс-Плеяда, 2009. - 808 с. - Том 2. Проза. - М., 2010.- 760 с.
4. Штырлина Е.Г. Вечер в поэтическом языке И. Бродского // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. – Гуманитарные науки. - №27. – 2012. – С. 442-445.
5. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии / 3-е изд., испр.– М.: Молодая гвардия, 2008.– 441 с.– (Жизнь замечательных людей).
6. Мир Иосифа Бродского. Путеводитель. Сборник статей. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 464 с.
7. Бродский И.А. Собрание сочинений // URL: <http://brodsky.da.ru>.